

О. А. Гаврилова, Сунь Ичжи

Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг.

Гаврилова

Ольга Александровна

канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Сунь Ичжи

лаборант-
исследователь,
Санкт-Петербургский
государственный
университет (Санкт-
Петербург, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда, проект
№ 22-28-00617
«Запретный город»:
жилищная политика
в Ленинграде
в 1940-е годы»

Холод и отсутствие света как результат топливного голода в блокадном Ленинграде фиксируется в подавляющем большинстве документальных свидетельств эпохи, относящихся к повседневной, социальной, промышленной жизни города. Неудивительно, что на результаты усилий городских властей по обеспечению топливом населения и предприятий обращали внимание многие исследователи истории блокады. Одним из первых характеристику топливных проблем военного периода дал Н. А. Манаков — начальник плановой комиссии (1937–1948), а в 1943 г. одновременно и заместитель председателя Ленгорисполкома. По его данным, накануне войны большинство видов топлива для Ленинграда были завозными, доля дров при этом в предвоенные годы постепенно уменьшалась, а участие Ленинградской области в их заготовке также последовательно снижалось¹. Так в 1940 г. в городе ежедневно расходовалось более 1700 вагонов, или 36 железнодорожных составов, топлива². Блокирование железнодорожных путей неизбежно должно было привести город к топливному голоду, а власти поставить перед задачей изыскания внутренних ресурсов для решения энергетических и отопительных проблем. Историки посвятили этим вопросам разделы в обобщающих работах и сборниках документов³, данная тема присутствует и в исследованиях о повседневной жизни в годы блокады отдельных районов Ленинграда⁴. Современные исследователи справедливо отмечают тесную связь между топливными и жилищными проблемами 1941–1942 гг.⁵ Однако сам процесс принятия городскими властями решений о сломе деревянных

построек и организации месячника по заготовке дров предметом специального рассмотрения не становился. Авторы данной статьи на основе широкого круга источников анализируют то, как многочисленные и разнообразные по назначению деревянные строения Ленинграда превратились на рубеже 1941–1942 гг. в один из скрытых ресурсов решения топливной проблемы.

Проекты Генерального плана развития Ленинграда, разрабатывавшиеся с середины 1930-х гг. Архитектурно-планировочным управлением Ленгорсовета (АПУ) под руководством главного архитектора Л. А. Ильина, а затем с 1938 г. Н. В. Баранова предусматривали развитие города в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. Планировалась активная застройка Московского шоссе, Автово, Щемиловки, районов Малой Охты и вокруг Володарского моста. Реновация этих территорий подразумевала прокладку новых магистралей, проектирование архитектурных ансамблей, строительство общественно значимых зданий и закладку садов и парков. Очевидно, малоэтажная деревянная застройка, особенно барачного типа, должна была быть постепенно ликвидирована. В ходе этой работы Ленинградским инвентаризационным бюро в 1936 г. было проведено обследование жилого фонда. Из 19,6 тыс. домов города 10,5 тыс. оказались деревянными⁶. Они являлись основным источником «аварийного фонда». При этом $\frac{3}{4}$ всей городской жилплощади приходилось на каменные сооружения. Деревянная застройка преобладала в Володарском, Выборгском и Красногвардейском районах. Таким образом, дровяной ресурс имелся в наличии, но стал востребованным не сразу.

В конце 1941 г. топливный голод нарастал стремительными темпами: ни торфо-, ни лесозаготовки, к которым в порядке трудповинности привлекалось население, не могли обеспечить потребности города. Но масштабы грядущей трагедии власти не ощущали в полной мере, надеясь на изменение военной ситуации и возобновление поставок. Тем не менее попытки изыскать новые ресурсы были предприняты в начале зимы 1941/42 г. В ноябре 1941 г. совместным постановлением исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б) был утвержден план расхода лесоматериалов и фанеры на период ноября — декабря 1941 г. и план изъятия от организаций лесоматериалов, подлежащих перераспределению⁷. Среди прочего начальнику Управления культурно-бытового строительства было предложено до 10 декабря 1941 г. произвести разборку брусчатых домов в Волковой деревне и передать полученный лес Управлению снабжения исполкома Ленгорсовета с тем, чтобы распределить его между исполкомами райсоветов для строительства убежищ. По воспоминаниям главного архитектора Ленинграда Н. В. Баранова, со ссылкой на дневниковую запись от 10 декабря 1941 г., у него состоялась встреча с председателем исполкома Ленгорсовета П. С. Попковым⁸. Архитектурно-планировочному управлению было поручено в двухдневный срок подготовить предложения о том, как и где, не нанося ущерба облику Ленинграда, начать выборочную рубку крупных деревьев. Баранов писал: «Я почувствовал, как у меня страшно забилось сердце. Разумеется, топливо необходимо, но ценой гибели парков и садов?..»⁹ Именно в размышлениях о спасении зеленых насаждений главным архитектором было найдено другое решение: «И тут меня осенило! Я вспомнил, как осенью горели

Разбор деревянных домов на топливо. Петроград, 1920 г.
Источник: Окаянные годы. Революция в России глазами художника
Ивана Владимировича / ред.-сост.: А. Ружников, Е. Даниельсон,
Л. Тремсина, В. Руга. Лондон, 2019. С. 226–227

“американские горы” в саду Госнардома. Но ведь в садах и парках без призора и охраны находятся десятки никому сейчас не нужных деревянных построек, которые к тому же могут сгореть в любую минуту. Значит топливо можно заготовить, разобрав многочисленные деревянные аттракционы, киоски, летние театры, рестораны и павильоны!»¹⁰ Надо заметить, что идея слома домов на дрова для города была не нова. Еще в 1920 г. Герберт Уэллс писал о разоренном Петрограде: «Прошлой зимой все деревянные дома были разобраны на дрова, и одни лишь их фундаменты торчат в зияющих провалах между каменными зданиями»¹¹.

Таким образом, началась реализация программы, которая привела к практически полному исчезновению деревянных строений в Ленинграде, что обеспечило быструю реновацию этих территорий в послевоенный период. Первоначально был составлен перечень деревянных построек на Елагином, Крестовском и Каменном островах, в Екатерингофском парке, Таврическом саду. Кандидатами на слом стали также деревянные спортивные сооружения — стадион им. Ленина на Петровском острове, стадион Кировского завода у Нарвских ворот. Сотрудники АПУ подготовили докладную записку, где привели данные обследований, в соответствии с которыми разбор только в Елагинском и Петровском парках мог дать более 400 кубометров древесины. Архитектор Н. В. Баранов вспоминал: «Мы подготовили два варианта доклада и сделали прогноз, имея в виду разборку не только пустующих построек в парках, но и одно-двухэтажных деревянных домов, сохранившихся по окраинам города — в Старой Деревне, Новой Деревне, на Охте, в Невском, Московском и Кировском районах, именно там, где, по Генеральному плану развития Ленинграда, будут располагать новые жилые массивы»¹².

Тем не менее в постановлении исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б) «О мероприятиях по обеспечению г. Ленинграда дровами», решение о котором было принято 12 декабря 1941 г., все лесодровозаготовительные работы объединялись в системе Леспромтреста Наркомлеса СССР, а задача разборки деревянных строений не ставилась¹³.

Однако тем же протоколом было оформлено решение от 19 декабря 1941 г. о слома построек на Лесном молу¹⁴. Организация работ по разборке и ответственность за их своевременное выполнение была возложена на управляющего Лесным портом. Полученная древесина, а выход ожидался в размере 30–40 тыс. кубометров, должна была быть передана частично по нарядам в Ленинградский областной комитет Главлесосбыта (деловая древесина) и также на склады Ленгортопа для реализации на дрова населению и учреждениям. Несколько позже, 3 января 1942 г., последовало решение, которое должно было ускорить работы в этом секторе. Постановлением исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б) на работы по разборке сооружений Лесного мола должны были быть направлены 500 человек из числа оканчивающих школы фабрично-заводского обучения¹⁵. Для этой цели требовалось отобрать физически здоровых людей и обеспечить их жильем, питанием, инструментами.

В то же самое время, 24 декабря 1941 г., было принято постановление, разрешавшее разбирать деревянные дома, подвергшиеся разрушению¹⁶. По-

Разборка деревянных домов на топливо.

Источник: *Ковальчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944.*

СПб., 2005. Вклейка между с. 96–97

лученный материал предполагалось использовать на топливо и деловую древесину, для чего начальник Главлесосбыта обязывался выделить бракеров для рассортировки и обмера древесины. Переселение жильцов и разборку домов до 10 января 1942 г. должны были обеспечить райисполкомы. Дрова реализовывались населению в счет плана на январь. Ленгортопу поручалось организовать их отпуск непосредственно в местах разборки домов. Исполком Ленгорсовета обращал внимание райисполкомов, что деловая древесина для строительства бомбоубежищ и осуществления восстановительных работ могла быть получена в первую очередь от разбора деревянных строений¹⁷.

В дополнение к этому исполком Ленгорсовета 26 января 1942 г. принял решение обязать райисполкомы в срок до 10 февраля разобрать деревянные постройки для использования полученного лесоматериала на дрова согласно прилагаемому списку¹⁸. В перечень вошли: стадион им. Ленина, стадион Строителей и служебный корпус, летние постройки в Таврическом саду и аттракционы, летние постройки в ЦПКиО им. Кирова, павильоны Народного дома, навесы для сушки древесины завода им. Халтурина, постройки добровольных обществ по рекам Ждановке и Малой Невке, заборы и временные сооружения строительства № 5, временные постройки речного пароходства на Тучковой набережной, 2-й жилгородок Экспортлеса¹⁹. Планируемый общий выход древесины должен был составить 60 500 кубометров. Также в приложении к постановлению указывались лимиты дров, которыми Ленгортоп обязывался обеспечить Ленинградский государственный трест хлебопечения, Ленглавресторан,

райисполкомы советов для выдачи населению²⁰. Одновременно райисполкомам полагалось подготовить и представить по согласованию с АПУ списки всех деревянных сооружений, включая жилые дома, подлежащие сносу «в связи с реконструкцией улиц и магистралей, также всех жилых сооружений барачного типа»²¹.

В целях улучшения снабжения дровами исполком Ленгорсовета 28 января 1942 г. принял решение «Об организации топливных контор». На них возлагались оперативное руководство и контроль за ходом разборки деревянных сооружений в районах по заданиям исполкомов районных советов, а также снабжение дровами населения, учреждений, предприятий и организаций района в соответствии с утвержденным в установленном порядке планом реализации дров²². В тот же день исполком Ленгорсовета разрешил исполкому Приморского райсовета разобрать эскарп на территории Новой Деревни и использовать на дрова старую деревянную тару, находящуюся на территории завода им. Калинина²³. В Ленинском районе к 3 февраля 1942 г. подготовили «список сломки на дрова деревянных строений 1-й очереди»²⁴.

Активизация работ по слому деревянных сооружений привела к тому, что райисполкомы стали вносить в списки на слом здания, имеющие общественно значимую ценность. Так, 31 января 1942 г. на имя зам. председателя Ленгорисполкома И. А. Андрееенко поступила жалоба от и. о. директора Горуправления рынками Кириллова. Он сообщал, что ряд исполкомов райсоветов выдали ордера на слом городских рынков, а именно: Смольнинский — на Халтуринский рынок, Ленинский — на Троицкий и Клинский рынки²⁵. С точки зрения Горуправления рынками их слом на дрова означал бы полную ликвидацию. В письме подчеркивалась, с одной стороны, нецелесообразность использования построек для заготовки дров, так как подавляющая их часть была построена из фанеры. С другой — признавалась ценность этих объектов как торговых помещений. Так, по словам автора записки, только Клинский рынок имел 36 продовольственных павильонов и ларей, 30 промтоварных и ряд культурно-бытовых учреждений (парикмахерская, буфет, мастерские и пр.). Все функционировали и были благоустроены, на что в предвоенные годы было израсходовано свыше 2 млн руб.²⁶

24 февраля 1942 г. начальник Топливо-энергетического управления (ТЭУ) А. К. Щелков направил докладную записку «О ходе работ по сносу деревянных домов и сооружений на дрова» на имя председателя исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова²⁷. Признавая, что осуществление программы могло значительно ослабить топливный голод и позволило бы населению и учреждениям города получить около 125 тыс. кубометров дров, автор записки информировал руководство Ленгорсовета о несоблюдении установленных на разборку домов сроков. В документе он давал подробную характеристику работам, производимым на каждом объекте, предназначенном к слому. Так, разборка стадиона им. Ленина оказалась в ведении Октябрьского и Дзержинского районных советов. Однако, по данным ТЭУ, за 20 дней февраля работы были произведены на 1,5–2 и 4–5 % от общего объема соответственно²⁸. Активность Петроградского райсовета по разборке сооружений в саду Горнардома также оказалась слабой: «К разборке

основных сооружений с большим выходом дров (американские горы) практически не приступлено». Приморский, Кировский, Ленинский, Фрунзенский районы не смогли обеспечить заданные исполкомом Ленгорсовета темпы и, по мнению автора письма, слом деревянных сооружений имел все шансы не состояться в текущем отопительном сезоне. В докладе начальника ТЭУ лишь Московский райсовет получил хорошую оценку, поскольку сумел выполнить план разборки домов и реализовать 14 тыс. кубометров дров. Это позволило району полностью отоварить все выданные талоны на дрова для населения и помимо этого удовлетворить значительное количество граждан, нуждавшихся в дровах²⁹. Неудовлетворительное положение дел в вопросе сноса домов на дрова заставило начальника ТЭУ настаивать на его обсуждении на ближайшем заседании исполкома Ленгорсовета.

3 марта 1942 г. такое обсуждение состоялось. Была признана вина председателей райисполкомов, не уделивших своевременно необходимого внимания делу разборки домов на дрова и обеспечению населения топливом³⁰. В подготовленном проекте решения исполкомы районных советов обязывались усилить работы по разборке деревянных сооружений и завершить их к 15 марта 1942 г. Рабочих, занятых в этой сфере, необходимо было числить как рабочих по строительству оборонительных рубежей с соответствующими нормами снабжения³¹. Исполком Ленгорсовета также решил «в целях поощрения труда рабочих, занятых на работах по разборке сооружений в порядке трудовой повинности, разрешить выдачу дров за выполнение и перевыполнение норм выработки из расчета до одного кубометра на рабочего в месяц»³².

Однако, прежде чем обречь на массовый слом деревянные городские постройки, власти проверили наличие деревянных ресурсов на предприятиях города, что привело к полному изъятию имевшихся там запасов. Показательна история с древесиной, складированной на бумажной фабрике им. М. Горького. 4 февраля 1942 г. было принято решение, оформленное совместным постановлением исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б), об использовании на дрова деловой древесины, имеющейся на предприятии. Директор фабрики обязывался отпустить из наличного запаса балансовой древесины: а) исполкомам Василеостровского и Свердловского райсоветов депутатов трудящихся по 5 тыс. кубометров для снабжения дровами населения и учреждений района через райтопы (районные топливные конторы); б) тресту хлебопечения — 2 тыс. кубометров; в) Ленглавресторану — 1 тыс. кубометров; г) тресту «Ленгортоп» — 7 тыс. кубометров для снабжения больниц и детских учреждений города³³. Отпускная цена была установлена в соответствии с распоряжением заместителя председателя СНК СССР А. Н. Косыгина в 56 руб. за кубометр. Кроме того, исполкомы указанных выше райсоветов весной 1942 г. обязывались обеспечить выемку из Малой Невки балансовой древесины фабрики им. М. Горького путем привлечения населения районов к выполнению указанных работ в порядке трудовой повинности. Спустя 10 дней, 14 февраля 1942 г., в целях обеспечения треста хлебопечения дровами и создания двухнедельного неснижаемого запаса, было принято постановление об изменении решения от 4 февраля³⁴. Корректировке подлежали объемы выделяемой древесины. Так, теперь тресту

хлебопечения выделяли 17,6 тыс. кубометров, исполкомам Василеостровского и Свердловского райсоветов по 1 тыс. кубометров, тресту «Ленгортоп» — 4 тыс. кубометров для снабжения больниц и детских учреждений и 2 тыс. кубометров на чурки для газогенераторных машин, тресту «Ленглавресторан» — 1 тыс. кубометров, квартирно-эксплуатационному отделу Ленинградского фронта — 2 тыс. кубометров. Также была изменена отпускная цена. Теперь она составила 43 руб. за кубометр. Работы по отгрузке древесины, по всей видимости, затянулись. Сохранилась записка директора треста хлебопечения Смирнова на имя председателя Ленгорсовета без даты, но с положительными визами Попкова и председателя ТЭУ Цветкова от 6 и 16 мая соответственно. Смирнов просил дать указание директору фабрики полностью выполнить решение исполкома Ленгорсовета о выделении тресту 17,6 тыс. кубометров дров за счет забронированных для Ленгортопа и той деловой древесины, которая находилась в воде, благодаря чему появится «возможность без перерыва продолжать налаженную там распиловку и вывозку дров на хлебозаводы»³⁵.

Очевидно, что в условиях первой блокадной зимы реализовать масштабную кампанию по слому деревянных строений города оказалось практически невозможно. Задачи по созданию технически вооруженных, физически здоровых бригад и выделению транспорта для переселения людей и перевозки дров были невыполнимы. Отсутствовали в должном количестве необходимые для работы простейшие инструменты. Неудивительно, что на заседании бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) было принято решение о производстве топоров. На заводе «Большевик» должен был быть возобновлен выпуск топоров, и за март — апрель планировалось изготовить 10 тыс. единиц этого инструмента³⁶.

Тем не менее в весенне-летние месяцы 1942 г. программа по сносу деревянных построек получила развитие. Это стало возможным в том числе потому, что в результате смертности от голода и массовой эвакуации населения появился свободный фонд жилой площади в каменных домах, который мог быть распределен между выселяемыми жителями деревянных жилищ. К тому же качественная эксплуатация и сохранность зданий также зависела от количества жильцов. 2 марта 1942 г. было принято решение исполкома Ленгорсовета «Об упорядочении учета и распределения свободной жилой площади»³⁷. Исполкомы райсоветов в 10-дневный срок должны были провести инвентаризацию и взять на учет всю свободную жилую площадь районов, которая числилась за эвакуированными с предприятиями и временно эвакуированными, военными служащими, умершими. Собранные данные должны были быть занесены в специальные книги по выделенным категориям и представлены в Жилищное управление исполкома Ленгорсовета не позднее 15 марта. 50% жилой площади, освобожденной в связи со смертью съёмщиков, было предписано передать в распоряжение исполкомов районных советов для расселения граждан, пострадавших от бомбардировок, артобстрелов и пожаров, а также для удовлетворения рабочих и служащих оборонных предприятий, оставшихся в Ленинграде, и семей военнослужащих, находящихся в действующей Красной армии. Остальные 50% жилой площади умерших и эвакуированных поступало в распоряжение Жилищ-

ного управления для создания резервного фонда жилой площади, используемого по указаниям исполкома Ленгорсовета. Выделение жилплощади осуществлялось по ордерам исполкома райсовета. Тогда же был временно запрещен обмен жилыми помещениями между отдельными съемщиками. Самовольное занятие или незаконное предоставление должно было пресекаться³⁸.

На заседании бюро ЛГК ВКП(б) 19 апреля 1942 г. был утвержден проект плана развития городского хозяйства во II квартале. В рамках его реализации было решено поручить заместителю председателя исполкома Ленгорсовета Мотылеву разработать и внести в исполком к 3 мая 1942 г. предложения об обеспечении Ленинграда дровами на зимний период 1942/43 г. Предлагалось расширить летние дровозаготовки на Карельском перешейке, а в городе продолжить разборку деревянных сооружений «путем развития летних дровозаготовок как на Карельском перешейке, так и в городе, путем разборки деревянных сооружений»³⁹.

В июне последовало постановление исполкома Ленгорсовета «О порядке организации работ по слому деревянных домов и сооружений для создания зимнего запаса топлива», оформленное протоколом от 12 июня 1942 г. Планируемый запас дров, который должен был быть сформирован в результате разбора домов, составил 270 тыс. кубометров. Сносу подлежали: «а) дома, разрушенные бомбардировкой, артобстрелом или пожарами и требующие больших капитальных работ для восстановления; б) дома с большим износом и дома угрозы; в) дома, расположенные на проектируемых трассах и магистралях новой планировки города; г) дома на участках тесной застройки, требующие разрядки по санитарным, пожарным и планировочным соображениям; д) недостроенные дома, требующие больших затрат на их окончание»⁴⁰. Исполкомы райсоветов в срок до 20 июня должны были подготовить списки домов, подлежащих слому. Ленжилуправление в свою очередь представляло план расселения жителей, чьи дома разбирались. Наконец, работа по слому деревянных домов была возложена на райтопы. Предполагалось, что эти структуры обеспечат разборку под руководством технического персонала, при этом им разрешалось привлекать рабочую силу отдельных крупных потребителей, например рабочих Кировского завода или Октябрьской ж/д, Ленэнерго или Ленводопровода. Топливо-энергетическое управление обязывалось предоставить на утверждение исполкома Ленгорсовета потребность райтопов в рабочей силе и план ее покрытия за счет мобилизации в порядке трудовой повинности. Определялся также порядок взаиморасчетов райжилуправлений и райтопов за сломанные дома. Вся дровяная древесина должна была быть взята на учет, как зимний топливный запас, и храниться на складах. Исключению подлежали резервы дров, направляемые на текущее потребление по ежемесячно утверждаемому плану⁴¹.

Кроме того, предполагалось организовать склады для хранения дров, были разработаны инструкции о порядке охраны и реализации имущества выселенных граждан, выделен транспорт для перевозки древесины, произведен учет материально-технического оборудования и стройматериалов, переданных на реализацию Ленжилснабу.

Так, еще 13 мая 1942 г. было проведено совещание у начальника ТЭУ А. Г. Цветкова по вопросу «Планирования отпуска дров, получаемых от слома деревянных строений и распределении их»⁴². По его результатам отменялся прежний порядок, когда наряды на слом деревянных сооружений райтопы получали непосредственно от ТЭУ. Устанавливался особый порядок распределения дров: ТЭУ спускает тресту Ленгортоп месячные планы распределения дров по потребителям, утвержденные исполкомом Ленгорсовета. В части промышленных потребителей Ленгортоп руководствовался этими списками, утверждаемыми также уполномоченным Госплана СССР. Ленгортоп в соответствии с этими планами спускал райтопам месячные планы реализации по районам с учетом всех возможных источников поступления дров в районе (завоз от Леспромтреста, слом деревянных строений и т. д.).

Решением исполкома Ленгорсовета от 3 июля 1942 г. на райжилотделы исполкомов райсоветов возлагалась ответственность за сохранность имущества граждан из сносимых домов (эвакуированных, находящихся в рядах Красной армии, в больницах, командировках, на работах в порядке трудовой повинности и т. п.)⁴³. Управляющим дома при участии представителей райжилотдела и санитарно-бытовой комиссии должен был быть составлен перечень имущества указанных лиц. Описи полагалось оформить в четырех экземплярах, из которых один оставался в делах домохозяйства, один в делах районного жилищного отдела, один по месту последующего хранения имущества и один высылался владельцу имущества по его требованию. При наличии у родных или знакомых граждан должным образом оформленных доверенностей на управление и распоряжение имуществом, оставленным в сносимых домах, указанное имущество подлежало передаче этим лицам по описи⁴⁴. Также владельцам имущества разрешалось давать поручения о его продаже через комиссионные магазины Ленскупторга. Исполкомы райсоветов в свою очередь обязывались организовать склады и их охрану. Имуществом умерших следовало распорядиться в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 г. «Об охране имущества, оставшегося после умерших».

На заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 4 июля 1942 г. обсуждался проект постановления «Об обеспечении дровами г. Ленинграда на отопительный сезон 1942/1943 гг.». А. А. Кузнецов выступил с инициативой выпустить это постановление от имени Военного совета Ленинградского фронта, признавая, таким образом, особое значение этого ресурса: «Из всех видов топлива основными у нас сейчас являются дрова и торф»⁴⁵. Утверждая план поставки древесины, ее распределения между заготовителями, потребителями, регулируя деятельность Леспромтреста, Военный совет установил программу по слому деревянных домов и сооружений в размере, обеспечивающем выход деловой древесины до 1000 тыс. кубометров⁴⁶. Одновременно исполкому Ленгорсовета поручалось организовать специальный трест по сносу домов и утилизации имеющихся в городе топливных отходов, установив ему программу заготовки дров в III квартале за счет сноса домов и сооружений в 400 тыс. кубометров.

В августе, когда стало ясно, что городу не хватает около миллиона кубометров дров, было принято решение о практически полном слома деревянного

фонда городских строений⁴⁷. Создание треста по слому деревянных домов и сооружений «Лензаготтоп» было санкционировано решением Ленгорисполкома от 3 августа 1942 г.⁴⁸ Управляющим был назначен К. Ф. Горшков, главным инженером — А. М. Шабров⁴⁹.

Вопросы жилищного хозяйства стояли в повестке дня заседания Ленгорисполкома 6 августа 1942 г. Готовился проект решения о заготовке дров за счет сноса деревянных домов. В ходе обсуждения было признано, что работа в этой области шла крайне неудовлетворительно. Специальный трест не был организован, районные организации крайне медленно и неохотно выделяли для него рабочих. Одной из насущных проблем признавался отбор деловой древесины. Так, Попков предложил разбирать ее целыми домами и прописать этот момент в постановлении: «Поручить ТЭУ (т. Цветков) и управлению снабжения (т. Могиленко) отобрать дома, предназначенные для использования под деловую древесину, а все остальные дома ломать целиком на дрова»⁵⁰. Главный архитектор Баранов обратил внимание на то, что помимо жилого фонда необходимо использовать ресурсы в виде отдельных строений (сарай и др.), как, например, жилгородок при Доме Советов, в котором никто не жил, но на балансе такого рода постройки не числились и в списки не попадали.

Самой сложной задачей для городских властей стало переселение жильцов. Руководители районных советов высказали беспокойство по поводу недостатка ордеров на комнаты и возможности получения права выселять не желающих переселяться. Так председатель Володарского райисполкома П. Х. Мурашко указал: «Я должен был получить 400 комнат, пока получил 22 во Фрунзенском районе, в Смольнинском районе ни одной. Надо записать один пункт — предоставить нам право административно выселять граждан, которые не желают переселяться»⁵¹. Несвоевременное переселение жильцов затрудняло широкомасштабные работы по слому деревянных строений.

Решением Ленгорисполкома председатели исполкомов райсоветов объявлялись под личную ответственность, не позднее 20 августа, закончить расселение жильцов из деревянных домов, подлежащих сносу, по списку, утвержденному исполкомом Ленгорсовета 6 июля 1942 г.⁵² Топливо-энергетическому управлению было предписано в те же сроки обеспечить широкий фронт работ по сносу домов, привлекая к выполнению этих работ предприятия, учреждения и организации в счет выделенного им лимита топлива. Также райисполкомы должны были открыть и обеспечить бесперебойную работу складов для хранения имущества граждан, выбывших из деревянных домов, подлежащих разборке. В рамках расширения программы сноса домов исполкомам необходимо было подготовить и представить до 20 августа на утверждение исполкома Ленгорсовета список новых адресов деревянных домов, предназначенных на слом. Техническую поддержку мероприятию должны были обеспечить председатели исполкомов райсоветов. Их обязывали в пятидневный срок выполнить решение исполкома Ленгорсовета от 25 июля о выделении рабочей силы для треста по сносу домов, а также полностью укомплектовать аппарат межрайонных контор треста за счет консервируемых предприятий и районных организаций, выделив конторам необходимые средства механизации (тали, лебедки, топоры, ломы,

пилы и т. д.)⁵³. Контролировать выполнение решений был назначен заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Б. М. Мотылев.

Завершило подготовительный этап масштабной кампании по сносу деревянных домов Ленинграда на дрова совместное постановление исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б), утвержденное на заседании 17 августа 1942 г. после подробного обсуждения. Признавая невозможность обеспечить топливом предприятия, учреждения и население в централизованном порядке, городские власти объявляли с 1 сентября по 1 октября 1942 г. месячник по заготовке дров посредством мобилизации населения Ленинграда, в порядке трудовой повинности, на работы по разборке деревянных жилых домов, сараев, заборов и других сооружений и по дровозаготовкам в пригородных лесных массивах⁵⁴. На внутригородские дровозаготовки направлялось здоровое трудоспособное необремененное население от 16 до 45 лет (женщины) и 55 лет (мужчины). Бригады из рабочих и служащих должны были создаваться на предприятиях и в учреждениях и выполнять работы по нарядам в нерабочее время и выходные дни, а нерабочее население — по месту жительства с организацией бригад по домохозяйствам. Каждый гражданин должен был заготовить за счет сноса деревянных сооружений не менее 4 кубометров дров, из которых 2 кубометра разрешалось получить в личное пользование. В ходе обсуждения Кузнецов откровенно признался: «Тем, что мы проводим месячник заготовки дров, мы с себя как бы снимаем обязанность по снабжению населения дровами»⁵⁵.

Предполагалось снести до 6 тыс. домов, начав с южных районов города. Для предприятий и организаций уполномоченным Госплана при СНК СССР по г. Ленинграду устанавливались заготовительные лимиты, исходя из которых им и должны были передаваться дома под снос. Излишек древесины подлежал непрременной передаче райтопу подведомственной территории для дальнейшего перераспределения.

Большой объем подготовительной работы возлагался на райисполкомы, которые в кратчайшие сроки обязывались провести разъяснительную работу с населением, составить адресные списки деревянных построек, подлежащих слому, с указанием оценки выхода древесины по каждому объекту, установить количество лиц, подлежащих переселению, выявить имевшуюся свободную жилплощадь и с 25 августа приступить к переселению граждан, проживавших в предназначенных к сносу деревянных домах.

Тем же постановлением от 17 августа 1942 г. были поставлены задачи перед руководителями различных ведомств, призванных обеспечить своевременное выполнение вышеуказанных решений. Так, ТЭУ и уполномоченный Госплана обязывались подготовить сводный порайонный план потребности в топливе всех предприятий и учреждений на основе установленного для них лимита. Начальник АПУ должен был согласовать список деревянных домов, не подлежащих сносу по планировочным соображениям и наиболее ценных в культурном отношении. Руководители транспортных ведомств обязывались оказать необходимую помощь как переселяемым жильцам, так и в перевозке заготовленных дров. Обесточить сносимые дома поручалось Ленэнерго. Также с них необходимо было снять телефонные кабели и пожарную сигнализацию,

Слом деревянных домов на топливо.
Источник: Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов
Государственного мемориального музея обороны и блокады
Ленинграда. СПб., 2014. Вклейка. С. 30 (между с. 368–369)

Грузовой трамвай на паровой тяге.
Источник: Ленинградцы. Блокадные
дневники... Вклейка. С. 31 (между с. 368–369)

сантехническое оборудование, счетчики, водопроводные трубы, произвести разборку печей и дымовых труб с укладкой в штабели всего кирпича, очистить территорию. Руководители предприятий и учреждений и исполкомы районных советов должны были принять меры по сохранению от порчи и хищения овощей на огородах при сносимых домах. Устанавливалась отпускная цена за 1 кубометр, которая составила 25 руб. 50 коп. для населения и организаций.

Руководство проведением месячника в районах возлагалось на исполкомы районных советов и райкомы ВКП(б). Кроме того, создавалась комиссия в составе Б. М. Мотылева (Ленинградское жилищное управление), Н. А. Манакова (Ленплан) и С. Е. Карасева (горком ВКП(б)) для контроля за переселением граждан из сносимых домов, распределением между районами транспортных средств, «разверстки домов», подлежащих сносу, и для оперативного управления ходом работ по заготовке дров. Было решено широко освещать подготовку и проведение месячника в газете «Ленинградская правда»⁵⁶.

Таким образом, топливный кризис, начавшийся в Ленинграде с установлением блокады города, явившийся одной из основных причин паралича производственной жизни и способствовавший катастрофической гибели населения, заставил городские власти принять радикальное решение по слому подавляющего большинства деревянных сооружений в городской черте. Это решение не являлось одномоментным, поиск дровяных ресурсов происходил на протяжении первой блокадной зимы. Но существенное сокращение населения вследствие массовой эвакуации и высокой смертности, а также задачи восстановления промышленности и сохранения основного жилого фонда определили суть дровозаготовительной кампании осенью 1942 г. Ход месячника заготовки дров, его результаты, воспоминания участников данного мероприятия заслуживают отдельного рассмотрения. Как записала в своем дневнике О. Берггольц: «Что ж, вот мы выжили, и мы хозяева города, хозяева вещей умерших или бежавших из города, где бушует смерть. Мы — его жизнь, мы ни от чего не бежали, не прятались, не толкали других, нам просто повезло, мы оказались сильнейшими, и теперь нам можно устраиваться в лучших, еще не разрушенных домах — в гуще жилищ разрушенных и разоренных, нам надо *спешно* заводить среди развалин — домов, людей, семей — новую жизнь»⁵⁷.

¹ Манаков Н. А. В кольце блокады. Л., 1961. С. 117–118.

² Там же.

³ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959; 900 героических дней: сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. колл.: Х. Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев; сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев. М.; Л., 1966. С. 300–301; Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 75, 154; Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. С. 274–275; и др.

⁴ Ходанович В. И. Блокадные будни одного района. М.; СПб., 2015.

⁵ Ходяков М. В.: 1) Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468; 2) Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // *Новое прошлое / The New Past*. 2022. № 2. С. 167–179; 3) Решения городских властей по жилищным вопросам в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России:

события, участники, символы: материалы III Всерос. науч. конф. / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 30 июня — 1 июля 2022 г. Ростов-на-Дону, 2022. С. 318–323; и др.

⁶ Домовый фонд Ленинграда: статистический сборник по материалам инвентаризации. Л., 1937. С. 3.

⁷ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1: Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб., 2019. С. 426–427.

⁸ Баранов Н. В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л., 1982. С. 54–55.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Собр. соч.: в 15 т. М., 1964. Т. 15. С. 318.

¹² Баранов Н. В. Силуэты блокады. С. 55.

¹³ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 491.

¹⁴ Там же. С. 503.

¹⁵ Там же. С. 524.

¹⁶ Там же. С. 510.

¹⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1437. Л. 52.

¹⁸ Там же. Л. 264.

¹⁹ Там же. Л. 265.

²⁰ Там же. Л. 368.

²¹ Там же. Л. 264.

²² Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (далее — Бюллетень ЛГС). 1942. № 1–2. 30 янв. С. 8–9.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1437. Л. 332.

²⁴ Ходанович В. И. Блокадные будни одного района. С. 381.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1437. Л. 266.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. 4950. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1439. Л. 58.

³¹ Там же. Ф. 4950. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

³² Там же. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1439. Л. 59.

³³ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 584.

³⁴ Там же. С. 600–601.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 4950. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.

³⁶ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 2: Март — декабрь 1942 г. СПб., 2020. С. 22.

³⁷ Бюллетень ЛГС. 1942. № 5–6. 30 марта. С. 5–6.

³⁸ Там же.

³⁹ Блокада в решениях... Часть 2. С. 89.

⁴⁰ Там же. С. 255.

⁴¹ Там же. С. 256.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 4950. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

⁴³ Бюллетень ЛГС. 1942. № 14. 31 июля. С. 5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Блокада в решениях... Часть 2. С. 274.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Манаков Н. А. В кольце блокады. С. 128.

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1464. Л. 248.

⁴⁹ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг.: сб. документов / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2017. С. 261.

⁵⁰ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг.. С. 262.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 263.

⁵⁴ Блокада в решениях... Ч. 2. С. 445–448.

⁵⁵ Там же. С. 448.

⁵⁶ Там же. С. 445–448.

⁵⁷ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник: (1941–1945). СПб., 2015. С. 218.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2022 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гаврилова О. А., Сунь Ичжи. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг. // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 4. С. 853–869. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403>

Аннотация: В статье на основе комплекса опубликованных и неопубликованных архивных источников рассматривается проблема, которая в должной мере не получила освещения в историографии. Поскольку половину жилищного фонда Ленинграда накануне войны составляли деревянные строения, именно они на рубеже 1941–1942 гг. превратились в один из ресурсов для решения топливных проблем. Осуществляя плановый разбор около 6 тыс. деревянных жилых домов, а также многочисленных деревянных киосков, заборов, летних театров, ресторанов, павильонов, городское руководство решало ряд насущных задач. Тем самым оно избавлялось от аварийных и пожароопасных объектов, обеспечивало предприятия и учреждения драгоценным топливом, предоставляло возможность населению блокированного города самостоятельно заниматься заготовкой дров. Бригады рабочих, служащих и других категорий населения, созданные на заводах, фабриках и в домохозяйствах, осуществляя снос деревянных сооружений, выполняли и другую важную миссию. Они способствовали тому, что часть горожан была переселена из ветхих деревянных построек в комнаты и квартиры, которые пустовали в результате гибели в первую блокадную зиму сотен тысяч ленинградцев. Это должно было обеспечить сохранность и правильную эксплуатацию каменных домов. Несколько волн эвакуации недееспособных категорий населения создавали дополнительные возможности для подготовки проведения активной переселенческой политики. Таким образом, реновации в кратчайшие сроки подлежали значительные площади городского жилого фонда, и основной проблемой становилось ее техническое и транспортное обеспечение. Осуществление этой акции было возможным в результате значительного сокращения населения Ленинграда.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, жилищный фонд, деревянные дома, топливный кризис, заготовка дров.

Сведения об авторах: Гаврилова О. А. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); o.gavrilova@spbu.ru | Сунь Ичжи — лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); yizhisun96i203@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Gavrilova O. A., Sun Yizhi. 'Renovation under the Blockade: Demolition of Wooden Buildings in Leningrad. 1941–1942', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 853–869. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403> (In Russian)

Abstract: Based on a complex of published and archival sources, the article deals with a problem that has not been adequately covered in historiography. Since half of the housing stock of Leningrad on the eve of the war was made up of wooden buildings, it was they who at the turn of 1941/1942 have become one of the resources for solving fuel problems. Carrying out the planned demolition of about 6 thousand wooden residential buildings, as well as numerous wooden kiosks, fences, summer theaters, restaurants, pavilions, the city government solved a number of urgent tasks. Thus, it got rid of emergency and fire hazardous objects, provided enterprises and institutions with precious fuel, and provided the population of the besieged city with the opportunity to independently engage in firewood. Brigades of workers, employees and other categories of the population, created in factories, factories and households, carried out the demolition of wooden structures, and carried out another important mission. They contributed to the fact that some of the townspeople were relocated from dilapidated wooden buildings to rooms and apartments that were empty as a result of the death of hundreds of thousands of Leningraders during the first blockade winter. This was to ensure the safety and proper operation of stone houses. Several waves of evacuation of disabled categories of the population created additional opportunities for preparing for an active resettlement policy. Thus, significant areas of urban housing stock were subject to renovation in the shortest possible time, and its technical and transport support became the main problem. The implementation of this action was possible as a result of a significant reduction in the population of Leningrad.

Keywords: siege, Leningrad, housing stock, wooden houses, fuel crisis, firewood.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-00617 "The Forbidden City": Housing Policy in Leningrad in the 1940s".

Authors: *Gavrilova O. A.* — PhD in History, Associate Professor, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); o.gavrilova@spbu.ru | *Sun Yizhi* — Associate Researcher, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); yizhisun961203@gmail.com

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

- Baranov N. V. *Silhouettes of the blockade: Notes of the chief architect of the city* (Leningrad, 1982). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, pt 1: June 1941 — March 1942 (St Petersburg, 2019). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, pt 2: March — December 1942 (St Petersburg, 2020). (In Russian)
- Karasev A. V. *Leningraders during the siege. 1941–1943* (Moscow, 1959). (In Russian)
- Khodanovich V. I. *Blockade weekdays of one district* (Moscow — St Petersburg, 2015). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Evacuation of the Population and the Housing Stock of Leningrad in 1942', *Novoe Proshloe / The New Past*, no. 2, 2022. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-167-179> (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Decisions of city authorities on housing issues in besieged Leningrad. 1941–1943' in *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Luga Rossii: sobytia, uchastniki, simvoly: materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, ed. G. G. Matishov (Rostov-on-Don, 2022). (In Russian)
- Khodyakov M. 'Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade', *Quaestio Rossica*, no. 2, vol. 10, 2022. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.681> (In Russian)
- Kovalchuk V. M. *900 days of blockade. Leningrad 1941–1944* (St Petersburg, 2005). (In Russian)
- Manakov N. A. *In the blockade ring* (Leningrad, 1961). (In Russian)
- Sobolev G. L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book 1: June 1941 — May 1942* (St Petersburg, 2013). (In Russian)
- Transcripts of meetings of the executive committee of the Leningrad City Council. November 1941 — December 1942*, ed. A. N. Chistikov; comp. N. Yu. Cherepenina (St Petersburg, 2017). (In Russian)

Received: May 4, 2022

Accepted: August 21, 2022